

А.В. Бауло

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: baulo@archaeology.nsc.ru

СВЯЗЬ ВРЕМЕН И КУЛЬТУР (СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО ИЗ ВЕРХНЕГО НИЛЬДИНА)

Введение

В 1938 г. на Урале в верховьях р. Лозьвы В.Н. Чернецов записал легенду о серебряном блюде, которое когда-то давно выловили на Оби при неводьбе рыбы и позже доставили в одно из мансийских святилищ. Н.Я. Бахтиаров (манси), рассказавший этнографу легенду, увидел это блюдо в селении Верхнее Нильдино: “Меня на жертвоприношение звали. Тогда старик мне и показывал... их *пупых-олнани* (дух-покровитель – серебряная тарелка. – А.Б.), величиной с твой котелок” [Источники..., 1987, с. 265]. Блюдо хранилось в священном ящике, завернутое в платки и специально пошитые для него одежды с медными пуговицами. Во время жертвоприношения его вынимали и вешали вертикально – так, чтобы лицевая сторона была видна присутствующим. По информации В.Н. Чернецова, блюдо не имело отверстий и потому подвешивалось за платок, охватывавший его по краю [Чернецов, 1947, с. 122, 126–129].

В 1985 г. И.Н. Гемуюев и А.В. Бауло удалось обнаружить это блюдо: оно действительно хранилось в качестве одного из главных фетишей на культовом месте, расположенном недалеко от селения Верхнее Нильдино на Северной Сосьве [Гемуюев, 1988; Гемуюев, Бауло, 1999, с. 111–118].

Диаметр Нильдинского блюда 235–240 мм, высота 29–34 мм, круговой ножки соответственно 97–99 и 4–5 мм (рис. 1). Вес блюда 1103 г. Металлическая петля для подвешивания утеряна, в отверстия для заклепок был продет тонкий кожаный ремешок.

В центре блюда находится изображение крепости (замка?), которую с двух сторон окружают десять всадников. На верхнем ярусе здания показаны фигуры трех воинов, в сторожевых башнях головы еще четырех человек. Двое погибших изображены свешивающимися с верхней части крепости, двое – лежащими у подножия стены. В середине сцены – семь фигур с поднятыми вверх трубами и одна с ящиком на плечах. В окне над входом в крепость изображена женщина с поднятыми вверх руками. Композиция выполнена на позолоченном фоне. Позолочены также изображения солнца и луны, воинов, свесившихся вниз головой, лиц женщины и воинов в башнях, наконечников копий всадников, арки и столба в нижней части блюда. Изделие датируется VIII – началом IX в. и относится к продукции ремесленных мастерских Средней Азии [Гемуюев, 1988].

На лицевой стороне блюда рядом с фигурами воинов уже в Сибири были выгравированы два изображения лосей. Не случайно, видимо, верхнее располагается прямо напротив воина с луком, а нижнее – рядом с копьем всадника. Речь может идти об элементах охотничьей магии либо о том, что животные изображены в качестве жертвы, принесенной богатырям-предкам.

Нильдинское блюдо оказалось двойником знаменитого Аниковского блюда из собрания Государственного Эрмитажа (найдено в 1909 г. у д. Больше-Аниковской Чердынского уезда Пермской губернии [Смирнов, 1909; Даркевич, 1976, с. 28–29]). Различия в оформлении фигур на них были подробно рассмотрены И.Н. Гемуюевым [1988, с. 39–48].

Рис. 1. Серебряное блюдо.

Серебряное блюдо – атрибут мансийского святилища

Святилище *Полум-торум-пыга* (“Сын Пелымского бога”) находилось на левом берегу р. Яны-я, правого притока Северной Сосьвы, и принадлежало мансийской семье Вынгелевых. На небольшой возвышенности на четырех опорах стоял амбарчик (за ним на ветках деревьев висело несколько медвежьих черепов), в полутора метрах от него – стол на четырех ножках, еще дальше – кострище (рис. 2). Коля вокруг кострища были увенчаны вырезанными личинами лесных духов.

В задней части амбарчика на низком помосте находилась антропоморфная фигура в черном халате. На голову духа-покровителя были последовательно надеты три островерхие суконные шапки с опушкой из меха ондатры. На жердочках, проходивших вдоль помещения, висели жертвенные платки, у входа лежали пачки папирос и чая, спички, стояла жестяная миска с пятью рюмками.

В сундучке слева от входа находились поднесенные духу платки и фигура духа-покровителя. Ее сердцевиной являлось средневековое бронзовое антропоморфное изображение. В сундучке, стоявшем справа от входа, в двух шапках-чехлах, вложенных друг в друга, находилось серебряное блюдо (рис. 3). Внутренний чехол представлял собой суконный шлем сфероконической формы, состоящий из трех желтых и трех красных клиньев и отороченный по нижнему краю беличьим мехом. Внешний шлемовидный чехол с козырьком был выполнен из сукна темно-зеленого цвета, по нижнему краю и в середине по окружности украшен серебряным шитьем в виде волнистой линии, веточек и арок.

Жертвоприношение коня в честь *Полум-торум-пыга* устраивали зимой. Животное привязывали к специальному столбу и клали ему на спину священное покрывало с изображением Небесного всадника. Из сундука вынимали блюдо и за кожаный ремешок подвешивали на ветку дерева. При этом присутствующие

Рис. 2. Священный амбарчик, в котором хранилось блюдо.

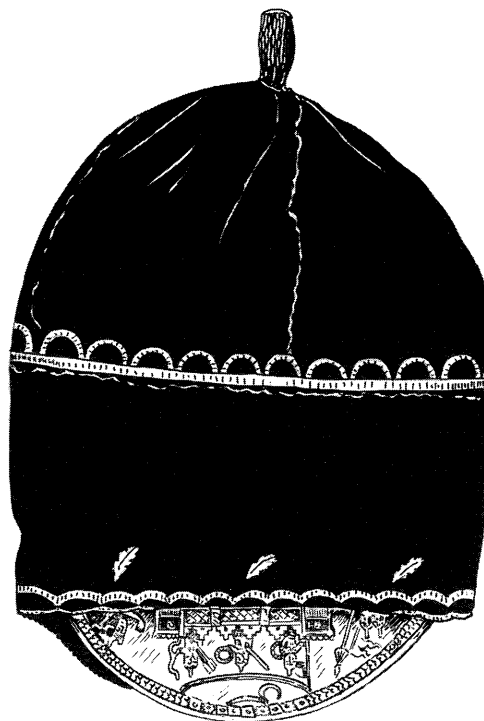

Рис. 3. Серебряное блюдо в шлеме.

говорили: “*Полум-торум*, приходи, тебе лошадь забьем”. Коня, оленя или бычка приносили в жертву и в самом селении, но мясо обязательно полагалось отнести в святилище.

Местное население почитало серебряное блюдо, полагая, что на нем изображены многие видные персонажи пантеона, включая *Полум-торума* (“Пелымский бог”) и его сына. По сведениям В.Н. Чернецова, священное место *Полум-торума* находилось в верховьях р. Пелым. Ряд мансийских патронимий Беткашских, Резимовских, Новинских, Нильдинских и Сурейских юрт считали его сына своим предком [Чернецов, 1939, с. 24].

Нильдинское блюдо уникально не только наличием двойника. Как уже говорилось выше, в 1938 г. В.Н. Чернецов записал подробное предание об обстоятельствах, связанных с находкой, и о том, как сюжет блюда был воспринят местными жителями. По словам рассказчика, Н.Я. Бахтиярова, “серебряная тарелка... Завернута в платки, только половина видна была... Посредине на лошади *Полум Торум*, а по краям еще четыре лошади; на одной *Мир сусне хум*... а на четвертой еще *Хуль отыр*, но он не на лошади, а так внизу” [Источники..., 1987, с. 265]. Не совсем точный рассказ информатора (он явно говорил о фигурах всадников лишь на той половине блюда, которую ему показали) позже попал в статью В.Н. Чернецова “К вопросу о проникновении восточного серебра в При-

обье”. В ней речь вновь шла лишь о пяти всадниках, представленных на блюде: “два – справа, два – слева и один – внизу, а в центре, судя по описанию, вода, из которой высовывается, по-видимому, человеческая фигура” [Чернецов, 1947, с. 122]. Эти строки говорят о том, что В.Н. Чернецов блюда не видел. Иначе он смог бы гораздо раньше заявить о существовании двойника Аниковского блюда, к тому времени неоднократно опубликованного. Приведу предание с некоторыми сокращениями:

Серебряное блюдо из селения Верхне-Нильдинского

По ту сторону Салэ-Харда ненцы живут... Однажды... невод забросили... С лодки смотреть стали – невод полон рыбы... Среди большого количества рыбы смотрят – тарелка. Немного глиной облеплена. Водой немного обмыли, смотрят – серебряная тарелка. Тогда говорят:

– Кому надо, пусть возьмет.

Один человек говорит: “Мне не надо”, другой человек говорит: “Мне не надо”. Тогда один человек говорит:

– Я возьму. Возьму, в свой дом отнесу.

Домой сходил, кусок материи принес. Аршинным куском материи с угла на угол тарелку завязал, домой отнес, в переднем углу к шести привязал. После внесения на третий день сам заболел. Три дня жил, потом на третий день как заболел – умер. При смерти он детям и жене сказал:

– Если я умру, эту тарелку в другой дом пусть отнесут.

Верно, в тот день, когда сказал... так и умер. Он умер, серебряную тарелку взяли и в другой чум отнесли. Туда внесли, также к шести дома привязали. В день похорон того

человека в другом доме, куда внесена была тарелка, человек заболел. Как заболел, на третий день и умер. Этот человек умер, тарелку взяли и в третий дом отнесли. В третий дом внесли, также в передний угол к шесту дома привязали. В передний угол привязали, в том доме живущий человек тоже заболел. И также, как заболел, на третий день умер.

После того еще по четырем домам (тарелку) носили. Четыре человека еще умерли. Таким образом, в семь домов заносили, семь человек умерло. Тогда говорят:

– Как дальше иметь (ее) будем? Иметь (ее), видать, нельзя? В семи домах семь человек умерло.

Тогда (один) ненец поворожил и говорит:

– Домой, в помещение, вносить совершенно нельзя. По заднюю сторону седьмого дома маленькая береза есть. На ту маленькую березу, туда привяжите. Там пусть будет.

Тогда вороживший ненец еще сказал:

– Народ пусть весь соберется, хорошенько ворожить надо. Кому хранить (ее), понятным (тогда) станет. Кому хранить можно.

Тогда народ собрался. Шамана выбирать стали. Очень много в бубен бьющих (т.е. способных шаманить) ненцев было. Между собой хоть и выбирали, ради этого (случая) в бубен (никто) не бьет, не соглашаются... Тогда узнали, девушка есть. Та девушка самый первый шаман. Тогда люди говорят:

– Ты в бубен бей.

– Буду бить, мне можно.

Из одной нарты бубен принесли. В дом с огнем занесли. Огонь развели, бубен согрели, бубен согрелся, говорят:

– Теперь девушка пусть идет. Пусть (бубен) возьмет.

Позвали, вошла в дом, где бубен согревали. Бубен ей дали... Взяла, немного погрела... Тогда поколачивать стала, поет.

Петь стала, говорит:

– Эта серебряная тарелка очень дорогая. Очень много духов на ней есть. *Танал*-отец там есть, затем *Танал* отца сын там есть. ***Танал* отец на лошади сидит, сын тоже на лошади сидит. На самой середине водяной царь, старик. С одной стороны от него *Мир сусне хум* тоже на лошади сидит, а сбоку от него *Мир сусне хума* сын на лошади сидит. Водяной царь старик по середине тарелки из воды поднялся. Плечи и руки из воды только виднеются. Кисти рук только видны. Пятый человек тоже есть – *Шахэл-торум-ойка* тоже на лошади сидит (жирным шрифтом мною выделено описание фигур, представленных на блюде. – А.Б.). Это духа грома, им затеянное дело. Сыновья его убиты. В поисках сыновей он войско зовет.**

Дух грома на юге живет. Там надумал рыбу ловить прийти. Ради делания озерной пищи, обской пищи сюда пришел. На Обь сюда пришел, посмотрел: во всю толщу воды – рыба. Множество всяких рыб там есть... То место нашел, там и поселился. (Был) очень теплый день с кучевыми облаками (на небе). Гром тогда загрел, лодка на воду упала. В лодке два человека стоят – духа грома сыновья. Когда он загрел, водяной царь услышал.

– Что это тяжелое такое упало?

Взглянул, двух человек с лодкой увидел... Калданную сеть спустили, вниз по воде плывут. Сами (в лодке) стоят. Однажды слышат, рыба (в сеть) вошла. Подняли ее, рыбу, в лодку сложили. Тогда водяной царь своим сыновьям говорит:

– Пойдите, поймайте их вместе с лодкой.

Два человека пошли, пришли туда, лодку поймали, перевернули. Обоих человек поймали в то время.

Дух грома сверху вниз в то время смотрит, оба его сына двумя человеками пойманы и опрокинуты. Сколько ни гремел... что возьмет? Взять их не мог. Вниз смотрит – **город. Оба (сына) вниз, в город отнесены. Руки у них связаны, ноги связаны. Железными цепями связали, на железную перекладину, чтобы убить повесили. Смотрит, сыновей убили, на железную перекладину повесили.** Тогда он испугался:

– Я что сделаю, его сила!

Отправился к старику *Танал*. Он тут поблизости живет, знает ведь он, что делать... *Танал* старик дома сидит. Стал его спрашивать (духа грома):

– Это ты как сюда пришел? Ты никогда здесь не хаживал, сюда не заходил.

– Самые лучшие рыбные места здесь есть, ради промысла рыбы пришел.

– Добыл рыбы?

– Нет. Обоих сыновей своих только что спустил, рыбу промышлять.

– Ловят, а?

– Чего ловят! Два человека на них напали, схватили, лодку перевернули, самих поймали, в подводный город унесли, там убили.

– Вот как! А ты спрашивался? **Водяной царь старик там живет. Со своим городом там находится.**

– Да я и не знал, как спрашивать буду? Я тебя звать пришел...

Танал старик... говорит:

– Пойду, зачем не пойти, зовешь меня коли.

Сыну своему тогда сказал:

– **Военных коней наших поймай. Уздечками взнуздай, оседлай.**

Взнуздай, оседлай, к отцу пришел.

– Кони наши готовы.

На улицу вышли, на коней сели, поехали. Как тронулись, *Танал* старик говорит:

– К *Мир сусне хуму* завернем, а оттуда уже прямо одедем.

Отправились, туда приехали.

– Мы, – *Танал* старик говорит, – на конях посидим, а ты в дом зайди. *Мир сусне хума* позови.

Дух грома в дом вошел.

– Да вон что! – *Мир сусне хум говорит*. – Ты как сюда пришел?

– Я ради рыбного промысла пришел.

– Добыл?

– Чего добыл, оба моих сына убиты. Я тебя с собой зову, пойдешь коли.

– Коли зовешь, почему не пойду, пойду.

Сыну сказал:

– Сходи на улицу, **военных коней** наших поймай.

Сын вышел, обоих поймал, взнуздай, оседлай. В дом тогда вошел, отец уже оделся. Говорит отцу:

– **Коней наших взнуздай, оседлай.**

Наружу вышли. **На коней сели. Пять конных человек едут вместе.** Однажды водяной царь дома был. Дом его (вдруг) шевелиться начал. Дом его туда-сюда просто колыхнется. Из дома выглянул, оказывается враги идут. **Пять**

конных человек. Их движение настолько тяжело, город его чуть не рухнет! **Тогда на поверхность воды поднялся. Молить начал. Когда из дома выходил, водяной царь семи сыновьям, семи богатырям сказал:**

– **Вы духу неба говорите. Семь труб наверх выставьте.** До такого дня дожили! Водяного царя город наш сегодня ведь разнесут. Враги идут! Я их молить стану, вы духа неба молитесь.

Сам наружу появился, над водой показался. На врагов молит. Руки навстречу протянул. Рот раскрылся. Так-то испугался!

Они тогда смилостивились. Дух неба воевать тоже не допустил... Смилостивились, хоть и отправились ради того, чтобы водяного царя убить. *Танал* старик говорит:

– Водяной царь уже что сделал, то сделал. Зато теперь ты, – духу грома говорит, – порожняком не уходи. Какое количество только можешь, добудь рыбы. Сколько добудешь, в свою землю носи.

Четыре конных человека теперь домой поехали. Завтра дух грома рыбу теперь промысливать стал... Сыновья у него убиты, за них ему рыба назначена была. Водяной царь старик говорит:

– Теперь каждое лето сюда приходи.

Больше они не бранятся, теперь там живут.

Девушка пошаманила, тогда еще говорит:

– Это (блюдо) по семи домам носили, тогда семь человек умерло. Зачем в помещение вносили? На ту березку, туда привязывать вам надо было.

Ненецкая девушка еще пошаманила, говорит:

– Этот день здесь пробудет, на березе. Завтра двух человек выберете, в подводы ехать снарядите. Эту тарелку в шкуру белого годовалого оленя заверните, пусть везут. В Верхне-Нильдинских (юртах) человек с бревенчатым домом... живет. Туда на лодке пусть везут. Туда привезут, тот человек возьмет. Место хранения там.

Ненецкая девушка так ворожила; теперь место хранения нашла. Шаманом оно найдено.

Так подводами (блюдо) повезли. Ни в одном селении так не сказали: “Я не поеду”. Хоть в которое селение не приедут, другие два человека дальше везут. К человеку с бревенчатым домом привезли. Вместе с белой шкурой передали. Теперь в Верхне-Нильдинских юртах хранят [Там же, с. 126–129].

Таким образом, фигуры на блюде были истолкованы ненецкой шаманкой в русле местной мифологической традиции. В изображении женщины она увидела водяного царя, молитвенно поднявшего руки, семь жрецов с трубами оказались его сыновьями. На верхней части крепостной стены, по словам шаманки, были повешены тела убитых сыновей духа грома, а в одной из двух групп всадников предстали персонажи мансийской мифологии: *Танал-ойка* (*Полум-торум*), *Мир-сусне-хум* (“Мир озирающий человек”), их сыновья и дух грома. Вторая группа всадников, изображенная на блюде, могла быть воспринята манси или ненцами как воины духа неба, к которому обратился за помощью водяной царь. Тогда равное количество всадников с обеих сторон не дало разгореться сражению.

Обратим внимание на то, что в одном предании озвучены сразу две легенды: первая – об обстоятельствах, связанных с нахождением блюда, вторая – об интерпретации ненецкой шаманкой его сюжета. Кажется странным, что ненка видит в фигурах воинов не собственных богов, а мансийских. Скорее всего, перед нами стандартный мифологический ход, опирающийся на обрядовую традицию. Дело в том, что у манси изготовление новых фетишей обставлялось рядом правил. Их должен был сделать *другой* человек, у которого они обязательно “покупались” – будущему владельцу следовало хотя бы символически возместить изготовителю затраты. При этом имелись в виду не столько издержки материального характера, связанные с производством изображения духа, сколько риск наказания со стороны высших сил за возможную невольную ошибку [Гемуев, 1991, с. 7]. В случае с блюдом мы наблюдаем приблизительно ту же ситуацию. Хотя оно не относится к вновь изготовленным фетишам, но, будучи найденным, должно войти в состав уже имеющейся атрибутики с соблюдением процедур, принятых для новой вещи. В данном случае мансийское предание перекладывает ответственность за нахождение блюда на ненцев, косвенно подчеркивая уже свершившийся факт искупительной жертвы (смерть семи человек). Подчеркнута и такая деталь: у манси и хантов запрещено хранить найденные вещи, отнесенные к разряду святых, внутри жилого пространства дома. Нарушившие этот обычай ненцы расплатились своими жизнями. Гнев богов, впрочем, они вызвали и тем, что пытались присвоить вещь, предназначенную другим.

Запись предания о блюде была сделана В.Н. Чернецовым дважды. 22 октября 1938 г. он успел внести в дневник лишь краткие пометки, а полный текст (который приведен выше) записал лишь 4 ноября. В обоих случаях рассказчиком был Н.Я. Бахтиаров. При внимательном прочтении двух вариантов между ними заметны некоторые расхождения. В первом случае упомянут *Хуль-отыр* (владыка подземного мира), фигура которого якобы находилась в нижней части блюда; назван район, где обнаружили находку, – побережье Хэ нуйко, а главное, среди рыбы оказались “семь блюд, и все одинаковые”.

После этого рыба не стала ловиться совсем. Один шаман ворожил, сказал: “Одну чашку у себя оставил, а остальные пусть возьмет тот, кто первый придет и захочет их взять”. Так и сделали. Одну он у себя в чуме держал. Остальные в платки завернули и на березу повесили. Немного времени прошло, он умер. Тогда чашку другой брат в свой чум взял и тоже вскоре умер. Семь братьев их было, и все умерли. Была там девушка одна – шаман. Она ворожить стала. Говорит: “Ни одной чашки оставлять нельзя. Эти чашки в другие места назначены. Сейчас их все повесьте на березку в тундре. А потом придет сверху человек,

с Сосьвы-реки с темной водой. Он будет не шаман, не ворожей, но ему надо отдать”. Так и сделали. Действительно, приехал однажды человек, не был он ни шаманом, ни ворожеем, а просто рыбачить приехал. Был он с Сосьвы, из селения Али-нялтанг (мансийское название пос. Верхнее Нильдино. – А.Б.). Стали ему отдавать чашки, но он отказался взять. Уехал. После этого начали умирать люди в этом роду. Тогда снарядили лодку и несколько человек отправились в путь. Долго они ехали, пока добрались... до селения, разыскали человека того и вручили ему чашку. Остальные чашки развезли по другим местам, не знаю куда. С тех пор она и находится в Али-нялтанг [Источники..., 1987, с. 265].

Этот вариант отражает еще одну устойчивую традицию в мансийских воззрениях: святую вещь не ищут, она сама выбирает человека, отказываться от того, что послано свыше, нельзя, иначе человек навлекает на свой род смерть.

Итак, согласно первому варианту было выловлено семь одинаковых блюд. В связи с этим необходимо обратить внимание на две вещи. Во-первых, возможно, из этой же группы было и Аниковское блюдо, поскольку в конце записи говорится о том, что остальные блюда “развезли по другим местам”. Во-вторых, слова “все одинаковые”, может быть, не стоит относить к сюжетам. Речь могла идти об одинаковых размерах, форме, материале и других внешних признаках.

Таким образом, два варианта одного предания отличаются весьма важными деталями. К сожалению, причину этого В.Н. Чернецов не указал.

Через 50 лет после записи легенды В.Н. Чернецовым мы услышали и третью версию: по словам жителя Верхнего Нильдина П.С. Таратова, на “тарелке показана война *Полум-Торума* с *менквами* (лесными духами. – А.Б.), когда царя не было, людей и воды не было, бог только землю начинал” [Гемусев, Бауло, 1999, с. 118].

В ряде мансийских сказаний, возможно, присутствуют фрагменты уже измененной со временем легенды о блюде (что косвенно может указывать на ее достаточно солидный возраст). Так, *Вит-хон* (“Водный царь”) живет в подземном царстве в “золотом доме”; *Куль-отыр* “владеет целым городом и живет... в большом золотом доме” [Гондатти, 1888, с. 36, 40]. В записях А. Каннисто читаем: “Семь сынов *Кепера* начали на озере тянуть свой невод. Образ дочери божества отразился на поверхности вод” [Kannisto, 1958, S. 17]; в другом сказании: “К нашей девице приходят гости с нижнего течения Лозьвы. Долго ли коротко пробыла она и выглянула наружу. Видны кони с железными мордами” [Ibid., S. 158]. В “Священном сказании о возникновении земли” говорится: *Мир-сусне-хум* “долго ехал, коротко ехал, однажды его конь спустился в середину моря. Оказывается, через воду ведет серебряная дверь, золотая дверь... Пришел вниз,

там город водяного царя, серебряный город, золотой город... В маленьком доме сидит женщина... дочь водяного царя” [Мифы..., 1990, с. 267]. Из другой легенды о *Мир-сусне-хуме*: “Такой город возник: стоит он разрезая высоко бегущие облака, высоко идущие облака. Возник серебряный дом, возник золотой дом...” [Ромбандеева, 1993, с. 155]. На медвежьем празднике казымских хантов ряд сакральных сюжетов посвящен *Асты-ики* (“Верховьев Оби мужчина”) – князю Серебряного города в верховьях Оби [Мазур, 1997].

Необходимо подчеркнуть тот факт, что блюдо в последние годы было завернуто не в платки, а лежало внутри двух шлемов. Этому можно найти объяснение. Поскольку само блюдо отождествляли с фигурой предка-покровителя поселка – *Полум-торум-ныга*, то эта фигура и была “увенчана” шлемом.

Таким образом, Нильдинское серебряное блюдо оказало известное влияние на формирование ряда мифологических сюжетов у манси и заняло важную нишу в их обрядовой практике. Вывешенное на ветку березы во время жертвенной церемонии, оно олицетворяло собой присутствие рядом с людьми их богов: *Мир-сусне-хума*, *Полум-торума*, духа грома, водяного царя и др.

К дискуссии об Аниковском блюде

Нильдинское блюдо позволяет вернуться к дискуссии, которая ведется в течение нескольких десятилетий по поводу атрибуции Аниковского блюда и его сюжета. Вначале блюдо считали сасанидским (F. Sarre, 1923; O. Reuther, 1938), а сюжет трактовали как занятия крепости иранцами и внос священного огня; позже И. Соваже (1940 г.) отнес блюдо к концу XI–XII в., пытаясь доказать, что в основе сюжета представление султана своей армии или подавление заговора против султана Санджара в Мерве [Даркевич, 1976, с. 28]. В 1939 г. А.И. Тереножкин высказал мысль о хорезмийском происхождении блюда, т.к. на нем изображен типичный для Хорезма двухэтажный замок VI–VII вв. Отметив сходство находящегося в центре композиции “ковчега” с зороастрийскими погребальными оссуариями Хорезма, он предположил, что на блюде запечатлен внос оссуария [Тереножкин, 1939]. С.П. Толстов связал сюжет с комплексом представлений о Сиявуше – умирающем и воскресающем божестве растительности у народов средневековой Средней Азии. Он также склонялся к версии о торжественном выносе из замка оссуария. Предводитель, по С.П. Толстову, – это Кей-Хосров, сын Сиявуша; два трупа на зубцах башни – убийцы Сиявуша; простирающая руки женщина – его мать. В целом сюжет рассказывает о победоносном возвращении Кей-Хосрова, его

мести убийцам отца и выносе тела божественного основателя хорезмийской династии [Толстов, 1948, с. 205].

Г.А. Пугаченкова обратила внимание на то, что среднеазиатские замки-кешки, схожие с замком, изображенным на блюде, были не только в Хорезме, но и в Самарканде, Ташкенте, Таразе. По ее мнению, сюжет представляет осаду кешка согдийского владельца воинственными соседями (возможно, турками) и блюдо является памятником доисламской среднеазиатской торевики VI–VII вв. [Пугаченкова, 1950, с. 52–54]. Тезис о согдийском его происхождении повторен и в совместной работе М.Е. Массона и Г.А. Пугаченковой [1950, с. 99]. М.М. Дьяконов также высказался в пользу среднеазиатской атрибуции блюда, отметив, что облик всадников (и их вооружение), воспроизведенных на нем, точно совпадает с изображениями воинов на согдийских памятниках (щит с горы Муг, росписи Пянджикента) [1954, с. 139].

По мнению А.М. Беленицкого, архитектура двухэтажного замка, изображенного на Аниковском блюде, была характерна для большинства районов Средней Азии. Сопоставив его с замком, представленным в пянджикентской росписи, исследователь выделил одинаковые выносные балкончики, декоративные фризы в виде ряда поставленных на ребро кирпичей, зубцы, венчающие стены и пр. Это сравнение позволило ему отнести блюдо к произведениям искусства Согда [Беленицкий, 1959, с. 52–53]. Среднеазиатским считали Аниковское блюдо В.А. Шишкин [1963, с. 41] и Л.И. Ремпель (который датировал его VII–VIII вв.) [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 235–236].

Б.И. Маршак достаточно подробно обосновал версию о том, что на блюде представлены эпизоды книги Иисуса Навина, видоизмененные в среднеазиатской среде. Изделие отлито в IX–X вв. в государстве христиан-карлуков Семиречья по слепку с оригинала примерно VIII в. Реалии, привнесенные при расчеканке (прежде всего конский убор), относятся к IX–X вв., тогда как реалии, переданные рельефом, восходят к VII–VIII вв. [Маршак, 1971, с. 11; 1996, с. 10]. По мнению Б.И. Маршака, последовательность эпизодов книги Иисуса Навина показана на блюде снизу вверх: внизу – осада Иерихона и блудница Раав в окне, пробитом в городской стене, выше – вынос Ковчега Завета в сопровождении семи жрецов с “семью рогами юбилейными”, еще выше – взятие ханаанского города и Иисус Навин, остановивший одновременно луну и солнце [Маршак, 1971, с. 11]. Версия Б.И. Маршака о сюжете блюда и его датировка были поддержаны В.П. Даркевичем [1976, с. 28–29]. Однако многие исследователи не согласились с этой гипотезой. По наблюдениям Н.В. Дьяконовой, композиция напоминает переосмысленную “осаду Кушинагары” и восходит к буддийскому искусству (см.: [Там же, с. 29]).

Г.А. Пугаченкова также не нашла оснований говорить о несторианско-семиреченском происхождении Аниковского блюда. По мнению исследовательницы, оно, скорее, создано в одном из доарабских центров художественного ремесла в пределах зоны Зерафшана – Амударьи – Мургаба. Ее интерпретация сюжета на блюде сводится к следующему: представлена осада и оборона двухэтажного замка, длящаяся день и ночь (их символы – солнце и луна); воины, атакующие замок, а также и обороняющие его – при оружии; на крыше первого этажа жрецы выносят реликварий и совершают обряд, обращенный к светилам; жрица-оранта перед входом взывает к милости высших сил [Пугаченкова, 1981, с. 60–61].

Таким образом, большинство исследователей едины в отнесении Аниковского блюда к согдийскому (шире – среднеазиатскому) искусству. По поводу времени его изготовления споры свелись к двум точкам зрения: первую представляют Г.А. Пугаченкова и Л.И. Ремпель (VI–VII вв.), вторую – Б.И. Маршак и В.П. Даркевич (IX–X вв.). Сюжет блюда также остался предметом дискуссии. Основные варианты его интерпретации: осада крепости или замка и вынос оссуария (А.И. Тереножкин, С.П. Толстов, Г.А. Пугаченкова), эпизоды из книги Иисуса Навина (Б.И. Маршак и В.П. Даркевич), переосмысленная “осада Кушинагары” (Н.В. Дьяконова).

Несмотря на то что Нильдинское блюдо было опубликовано И.Н. Гемуевым в 1988 г., его никто не рассматривал в связи с проблемой затянувшегося спора по поводу Аниковского блюда. Вместе с тем даже одного взгляда на эти изделия достаточно, чтобы увидеть разницу в качестве работы: блестящее и выверенное изображение фигур на Нильдинском блюде и весьма грубая проработка деталей на Аниковском. Напомню, что в Аниковском изделии наблюдаются “сглаженные при отливке следы первоначальной гравировки” оригинала (косяки ворот, ошейник одного из коней) [Даркевич, Маршак, 1974, с. 217], а в Нильдинском эти детали проработаны резцом и пунсонами. При отливке Аниковского блюда было утрачено изображение боевого топора у одного из всадников в левом ряду, практически не заметен жест его же левой руки с поднятыми вверх двумя перстами. Все это может свидетельствовать о том, что Нильдинское блюдо старше Аниковского и, возможно, являлось тем образцом, по слепку с которого было отлито последнее. Тогда разница в оформлении обмундирования воинов вполне объяснима; более поздний мастер прорабатывал его детали, исходя из собственных представлений, но при этом исказил первоначальный смысл сцены. Речь идет о том, что ряд исследователей считают воинов, показанных в верхней части блюда, защитниками замка (Г.А. Пугаченкова и др.). На мой взгляд, это нападавшие. Основным

доказательством являются тщательно проработанные на Нильдинском блюде детали их одежды: шлем правого лучника такой же, как у нижнего справа всадника на правой стороне блюда и среднего слева – на левой; шлем воина, находящегося в левой части стены (с флажком), выполнен аналогично шлемам всадников средней группы на правой стороне блюда; меч воина, стоящего в центре верхней части стены, такой же, как и у всадников, а его кольчуга идентична кольчугам всадников нижнего ряда правой стороны блюда. В таком случае интерпретация может быть следующей: лучник в верхней части стены левой рукой с поднятым в ней луком приветствует предводителя нападавших; последний, в свою очередь, поднял в приветствии правую руку; они смотрят друг на друга; левый воин водрузил флаг над взятой крепостью.

Еще одна хрестоматийная деталь описания: по мнению ряда исследователей, вождь нападавших изображен в трехрогом шлеме (С.П. Толстов: “трехрогий шлем, вернее, по обеим сторонам шишака – два рогообразных выступа” [1948, с. 215]). На Нильдинском блюде видно иное: предводитель в обычном шлеме с высоким шишаком. За два крайних рога приняты углы высокого защитного воротника (о высоких воротниках см: [Горелик, 1987, с. 116–117]).

Хочется предложить и иную версию относительно самого здания. А.И. Тереножкин [1939], А.М. Беленицкий [1959], Г.А. Пугаченкова [1981] считают, что на блюде представлен двухэтажный замок, по мнению Б.И. Маршака [1971] и В.П. Даркевича [1976] – две разные крепости. Мне кажется, что на блюде художник изобразил переднюю и заднюю башни одной крепости. Кирпичи верхних частей башен имеют наклон в разные стороны (у дальней – наклон влево, у ближней – вправо), и если предположить, что дальняя показана с внутренней стороны, то кирпичи в обоих случаях уложены одинаково: при взгляде снаружи – с наклоном вправо. По-разному изображенные зубцы – еще один аргумент в пользу выдуманного предположения о показе башен с разных сторон (дальняя – с внутренней, ближняя – с внешней). Разная величина башен подчеркивает перспективу. В этом случае восемь “жрецов” изображены внутри крепости, а не на крыше первого этажа, как считает Г.А. Пугаченкова. Они, на мой взгляд, относятся к числу защитников (жителей) города: их одяние выполнено таким же образом, как и одяние висящего вниз головой человека (справа). Лица всех десяти фигур (восьми “жрецов” и двух над ними) более круглые, чем у нападающих. “Жрецы” с трубами, скорее всего, сопровождают человека, выносящего оссуарий погибшего при штурме властителя города. Его оплакивает и женщина, в скорби поднявшая руки.

Несколько слов необходимо сказать о версии Н.В. Дьяконовой об “осаде Кушинагары”. Напомним, что после смерти Будды его тело было кремировано, а прах и остатки несгоревших костей сложены в золоченую урну. Ее унесли в Кушинагару могущественные маллы и поместили наверху высокой ступы. Но семь царей из других принявших буддизм областей направили послов с требованием уделить им частицы священного праха. Получив отказ, они двинулись в поход. “Город сильных окружили колесницы и слоны...” Маллы, в свою очередь, приступили к обороне, устремив со стен на неприятеля стрелы, камни и огонь. Произошло сражение. Брахман Дрона призвал прекратить войну. Послы вошли в Кушинагару, где священный прах был разделен на восемь частей и помещен в реликварии, которые каждый царь увез в свою страну [Пугаченкова, 1982, с. 143–144]. Интересно, что на рельефе из Ранигата “Раздел реликварий” (Пешевар, Музей) низ крепости напоминает нижнюю часть стены замка на Аниковском блюде [Там же, с. 144, ил. 148]. Скульптурная группа на ступе, именуемая “Сражение за реликвии”, также показывает осаду Кушинагары. Здесь балкончик в верхней части крепости похож на балкончики замка на Аниковском блюде [Grünwedel – Waldschmidt, 1932, kat. 79].

Таким образом, дополнительные детали, которые позволяют увидеть тщательная работа мастера, создавшего Нильдинское блюдо, могут уточнить содержание сюжета. Его основной смысл (тот, который вкладывал мастер или заказчик блюда) не поддается однозначному толкованию. В Средней Азии, где было изготовлено блюдо, сюжет мог рассматриваться по-разному в зависимости от того, в чьи руки оно попадало. Житель Согды или Бухары видел здесь иллюстрацию к популярным легендам об осаде и взятии крепости, приверженец буддизма – осаду Кушинагары, а последователь Нестория – измененные в среднеазиатской среде сцены из книги Иисуса Навина. Возможно, столь явно выраженная полисемантическая характеристика прежде всего заказчика блюда, который являл собой образец человека, сформировавшегося в той среде, где причудливо переплелись различные культурные и религиозные традиции.

И еще об одной важной детали. Вопрос о происхождении и времени изготовления Аниковского блюда исследователи во многом решали на основе суждения об архитектуре здания как среднеазиатской. При этом в стороне осталась интересная деталь: верхняя часть задней башни замка с представленными на ней воинами, на мой взгляд, выполнена по эскизу, в основе которого лежит древний ассирийский батальный сюжет. В 1878 г. при раскопках дворца Салманасара III на холме Балават, неподалеку от развалин Ниневии, были найдены листы бронзовой обшивки ворот дворца или замка (хранятся в Британском музее). Эти листы

Рис. 4. Осада крепости. Фрагмент Балаватских ворот.

покрыты изображениями, расположенными рядами, и снабжены клинообразными надписями. Несколько эпизодов относятся к походам Салманасара III против царства Урарту (860 г. до н.э.). На одном листе изображено ассирийское войско, направляющееся к вражеской крепости, которая расположена на горе и осаждена с двух сторон. Внутри нее показаны защитники – лучники и копейщики. Над изображением пояснительная надпись: “Город Сугуниа, Арама Урартского” [Пиотровский, 1951, с. 74–75] (рис. 4). Какие детали ассирийского сюжета узнаются на Аниковском блюде? Это полукруглые арочки на стене замка; фигуры двух свисающих вниз головами людей и лучника, стоящего справа на крепостной стене; форма доходящего до колен пластинчатого доспеха (у нижних всадников) и мечей. Речь идет не о том, что возраст Аниковского и Нильдинского блюдов нужно значительно увеличить, а о том, что искусство Средней Азии насыщено более ранними и южными традициями. Через Иран они уходят в Ассирию. Именно об этом говорил В. Г. Луконин: “Протоиранское искусство целиком лежит в образах и композициях искусства Древнего Востока, преимущественно Ассирии и Элама, но также Урарту и Малой Азии” [1977, с. 3].

Заключение

Обнаруженное в 1985 г. Нильдинское блюдо является не только замечательным памятником средневековой истории Востока, но и уникальным атрибутом сибирского святилища, сыгравшим известную роль в формировании мифологических сюжетов и образов божеств у манси на протяжении II тысячелетия.

Список литературы

- Беленицкий А.М.** Новые памятники искусства древнего Пянджикента: Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 11–86.
- Гемуев И.Н.** Еще одно серебряное блюдо из Северного Приобья // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – 1988. – № 3: Сер. ист., филол. и филос., вып. 1. – С. 39–48.
- Гемуев И.Н.** Религиозно-мифологические представления манси: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1991. – 45 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: Б.и., 1888. – 91 с.
- Горелик М.В.** Сакский доспех // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987. – С. 110–133.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока: Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.; Л.: Наука, 1976. – 198 с.
- Даркевич В.П., Маршак Б.И.** О так называемом сиррийском блюде из Пермской области // СА. – 1974. – № 2. – С. 213–222.
- Дьяконов М.М.** Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 83–158.
- Источники по этнографии Западной Сибири.** – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. – 280 с.
- Луконин В.Г.** Искусство древнего Ирана. – М.: Искусство, 1977. – 232 с.
- Мазур О.В.** Медвежий праздник казымских хантов как жанрово-стилевая система: Дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 1997. – 218 с.
- Маршак Б.И.** Согдийское серебро. – М.: Наука, 1971. – 157 с.

- Маршак Б.И.** Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж; Формика, 1996. – С. 6–44.
- Массон М.Е., Пугаченкова Г.А.** Гумбез Манаса. – М.: Изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. – 144 с.
- Мифы**, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл., примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
- Пиотровский Б.Б.** Урарту // По следам древних культур. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 71–112.
- Пугаченкова Г.А.** Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. – 1950. – Т. 2. – С. 8–57.
- Пугаченкова Г.А.** К датировке и интерпретации трех предметов “восточного серебра” из коллекции Эрмитажа // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1981. – С. 53–63.
- Пугаченкова Г.А.** Искусство Гандхары. – М.: Искусство, 1982. – 196 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 288 с.
- Ромбандеева Е.И.** История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.
- Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. – СПб.: Изд. Имп. археол. комиссии, 1909. – 18 с., 300 табл.
- Тереножкин А.И.** К истории искусства Хорезма // Искусство. – 1939. – № 2. – С. 121–126.
- Толстов С.П.** Древний Хорезм. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1948. – 352 с.
- Чернецов В.Н.** Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20–42.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.
- Шишкин В.А.** Варахша. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 250 с.
- Grünwedel – Waldschmidt.** Buddhistische Kunst in Indien. – Berlin: Würfel Verlag, 1932. – 126 S.
- Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen. – Helsinki, 1958. – 444 S. – (MSFOu; Vol. 113).

Материал поступил в редколлегию 20.05.04 г.